

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 300.399.31

ББК 60.5

К 49

Педагогического института Южного Федерального Университета

Клименко Людмила Владиславовна

e-mail: lucl@yandex.ru

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «Я-ИДЕНТИФИКАЦИЙ» ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ЮФО

В статье на материалах конкретно-прикладных социологических исследований, проведённых в 2009 и 2011 гг., рассматриваются этнокультурные особенности формирования социальной идентичности населения Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгеи. Проводится сравнительный анализ структуры личностной идентичности адыгейского, армянского, турецкого русского населения. Авторы показывают значимость формирования надэтнической и надконфессиональной российской идентичности в качестве необходимого условия укрепления политико-правового пространства страны.

Ludmila V. Klimenko

e-mail: lucl@yandex.ru

EMPIRICAL MEASUREMENT OF "I-IDENTIFICATIONS" OF ETHNIC GROUPS OF THE POPULATION SFD

In article on materials of the is concrete-applied sociological researches spent in 2009 and 2011, ethnocultural features of formation of social identity of the population of the Rostov region, Krasnodar territory and Republic of Adygea are considered. The comparative analysis of structure of personal identity of the Adygea, Armenian, Turkish Russian population is carried out. Authors show the importance of formation over the ethnic and over the confessional to the Russian identity as a necessary condition of strengthening of politiko-legal space of the country.

Ключевые слова: гражданская, региональная, этническая идентичности, Юг России, социальное конструирование, «Я-идентичность», структура идентичности, социальная интеграция.

Key words: civil, regional, ethnic identity, South Russian, social construction, "I-identity", identity structure, social indegration.

Юг России по-прежнему остается одним из наиболее конфликтоопасных регионов России. К концу первого десятилетия XXI века произошло обновление угроз и рисков региональной стабильности. При этом как сохраняют свое влияние «старые», действовавшие, как минимум, на протяжении всего постсоветского периода, угрозы и риски, так и формируются новые. Эти обстоятельства актуализируют задачу оптимизации политики, направленной на стабилизации этнокультурного и социального пространства региона. Современная социально-экономическая и политическая ситуация в стране определяет необходимость ухода от принципа оперативного реагирования на локальные межэтнические конфликты и формировать долгосрочную комплексную политику межэтнической толерантности. В этой связи необходимы масштабные социологические исследования мониторингового характера, направленные на изучение трансформаций в сфере общественного сознания, интегрированным показателем которого выступает социальная идентичность.

Политический процесс на Юге России в кризисные 90-е годы свидетельствует о том, что в сложных трансформационных условиях в качестве устойчивой формы сложилась этнополитическая идентичность, базовым основанием которой выступило национальное (этническое) самосознание, которое было закреплено в политических институтах [1, 252-265]. Стабилизация политического процесса в последние годы, не вызвала ожидаемого укрепления общероссийской идентичности в этом регионе. Напротив, начался этап реполитизации этничности, для которого характерно, по оценкам экспертов, активное включение конфессионального фактора в этнополитические процессы, «... который будет постепенно замещать этнический в определении вектора регионального политического развития» [2, 41]. Видимо, поэтому, условием утверждения надэтнической и надконфессиональной российской идентичности может выступать этап закрепления устойчивости региональной идентичности, основанием которой должны являться общегражданские ценности.

Эмпирической базой анализа особенностей самосознания этнических групп населения Юга России выступили результаты социологических опросов, реализованных в 2009 г. в Ростовской области, 2011 г. в Республике Адыгея и Краснодарском крае. Методом стандартизированного интервью в Республике Адыгея было опрошено 398 жителей Республики Адыгея, из них 181 представителей титульного этноса и 217 русских респондентов. При опросе в Ростовской области было проинтервьюировано 345 человек, из которых 222 человека из числа русского населения, 70 армянских жителей и 88 турок-месхетинцев. В Краснодарском крае было проинтервьюировано 240 человек, из них 184 – русских респондентов и 68 - армян.

В инструментарии исследования разных лет содержался одинаковый блок вопросов, направленный на эмпирическое изучение самосознания этнических групп населения. При анализе структуры идентичности жителей региона в комбинированном виде применялись социально-психологические методики анализа множественных идентичностей. В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении полученных данных по параметру «я-идентификаций», как индикатора распространённости, приоритетности и структуры личностной самоидентификации.

Методика фиксирования «я-идентификаций» была предложена польскими учёными К. Козэлой совместно с М.Грабовской, Т. Шавелем, Е. Колбовской [3, 75-76]. В нашем случае эта методика использовалась в адаптированном варианте. Респондентам задавался вопрос: «Что Вы думаете о себе? Из характеристик, предложенных в карточках, отберите те, которые Вы относите к себе и отложите их в сторону. А затем разложите эти карточки по степени важности для Вас». Опрашиваемый получал набор карточек с различными характеристиками, из которых он выбирал 10 наиболее ему подходящих. Далее респондента просят ранжировать отобранные характеристики по степени важности, соответственно, по десятибалльной шкале (где 1 – наиболее, а 10 – наименее важная характеристика). Таким образом, для каждого участника опроса получался определенный набор релевантных ему социальных характеристик, дифференцированных по степени их значимости.

Эмпирические результаты исследования «я-идентификаций» титульного населения *республики Адыгея* (45,6% от всего массива) показывают, что на двух первых позициях в этой группе размещаются *примордиальные* идентичности, которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (семейные статусы – 75,3% и 55,6%, гендерные статусы – 71,3%).

В третью очередь адегейцы отождествляют себя с представителями своей этнической группы (60,1%). На четвертом месте в рейтинге распространённости располагается гражданская идентификация (57,3%), которая занимает *первое место* по степени значимости (40,2%). (См. табл. 1).

В первую пятёрку идентификаций титульного этноса Адыгеи попадает *субрегиональная* идентичность, как определение себя жителем республики (56,2%). В первую десятку рейтинга распространённости вошёл также и локальный уровень региональной идентичности, когда близость с жителями своего населённого пункта отметили 36,5% респондентов. Тогда как макроуровень регионального отождествления «адыгейского» сегмента не поднимается выше 14 места (табл. 1).

Изучение характера личностной идентификации **«русского» сегмента** населения РА (25,4% от всего массива) демонстрирует, что здесь доля гражданских идентификаций гораздо выше, чем в «адыгейской» группе и занимает 2 позицию в рейтинге распространённости (70,1%) и 1 место по степени значимости (33,3%). Кроме того, на втором месте располагается и близость со своей национальной группой (70,1%), которая на лидирующие по важности позиции выносятся уже меньшим числом респондентов (9,3%). Немного более важными для русских жителей РА оказываются идентификации с реальными группами повседневного общения (гендер, семья собирают от 73,8% до 57%, что соответствует 1, 4 и 5 местам в рейтинге). Вместе с тем, по степени значимости «вес» примордиальных идентификаций всё же выше, чем этнических (табл. 1).

Чувство тождественности с населением региона фиксируется преимущественно на локальном уровне – позицию «житель своего города / села» выбрали 40,2% опрошенных русских, что составляет 6 место по степени представленности. А лидирующая в региональной идентификации у половины респондентов «адыгейской» группы близость с населением республики выбрали 39,3% опрошенных «русского» сегмента и это 5 место в рейтинге (а в первом случае 8 место). Обращает на себя внимание также и то, что с жителями Северного Кавказа себя чаще отождествляют адыгейцы, нежели респонденты русской национальности (24,7% и 14 позиция в рейтинге в первой группе против 17,8% и 17 позиция – во второй). И, наоборот, среди русского населения Адыгеи более выражена идентификация с Югом России (11,8% и 21 место против 19,6% и 14 место соответственно) (См. табл. 1).

Эмпирические результаты социологического опроса также показали, что и для титульного этноса республики и для «русского» сегмента в равной степени важной являются конфессиональная идентификация (распространена у 46,1% опрошенных первой группы и 40,2% - второй, что соответствует 7 месту в общем рейтинге). (См. табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг «я-идентификаций» этнических подгрупп населения Республики Адыгея

Идентификация	Адыгейское население				Русское население			
	Распростра- нённость	Ранг			Распространённ ость	Ранг		
		1	2	3		1	2	3
1. мать/отец/сын/дочь	75,3	18,7	23,1	14,9	64,5	24,6	14,5	13,0
2. мужчина/ женщина	71,3	37,8	30,7	4,7	73,8	27,8	27,8	7,6
3. представитель своего народа	60,1	10,3	23,4	27,1	70,1	9,3	16,0	29,3
4. гражданин России	57,3	40,2	12,7	6,9	70,1	33,3	18,7	6,7
5. житель Адыгеи	56,2	4,0	3,0	7,0	39,3	9,5	2,4	7,1
6. жена/муж	55,6	8,1	13,1	24,2	57,0	6,6	24,6	13,1
7. мусульманин	46,1	11,0	9,8	8,5	-	-	-	-
8. православный	-	-	-	-	40,2	4,7	11,6	11,6
9. молодой / пожилой/ средних лет	43,3	2,6	2,6	9,1	38,3	-	2,4	14,6
10. человек с будущим	40,4	1,4	9,7	6,9	31,8	2,9	11,8	5,9
11. житель своего города / села	36,5	1,5	4,6	15,4	40,2	2,3	9,3	14,0
12. человек, добившийся всего сам	36,5	9,2	7,7	6,2	33,6	2,8	11,1	19,4
13. представитель своей профессии	34,3	3,3	4,9	4,9	31,8	5,9	8,8	8,8
14. успешный человек	32,0	3,5	3,5	8,8	22,4	4,2	-	-
15. житель Северного Кавказа	24,7	-	-	4,5	17,8	-	-	-
16. человек с достатком	23,6	4,8	2,4	11,9	17,8	5,3	-	5,3
17. глава семьи	21,9	5,1	2,6	5,1	18,7	10,0	10,0	-
18. усталый человек	18,5	-	-	3,0	16,8	5,6	-	5,6
21. житель Юга России	11,8	-	4,8	9,5	19,6	4,8	4,8	4,8

Эмпирические результаты исследования **«я-идентификаций» русского населения Ростовской области** показывают, что на лидирующих позициях в этой группе опять же размещаются гражданские идентификации (78,7 % – в рейтинге распространённости и 59,5 % – первое место по степени значимости). Во вторую и третью очередь респонденты отождествляют себя с семейными и гендерными характеристиками (69,4 % и 62,1 %). На 5 месте по степени распространённости располагается этническая идентификация (42,3 %), на 7 – субрегиональная (39,5 %) и на 10 – локальная (30,9 %) уровни идентичности. Однако первые места в ранговой иерархии данные виды идентификации не собирают статистически значимые показатели. А также макроуровень регионального отождествления «русского» сегмента в первую десятку рейтинга не вошёл (табл. 2).

Изучение характера личностной идентификации **«армянского» сегмента** жителей РО демонстрирует, что и здесь доля гражданских идентификаций гораздо ниже, чем в «русской» группе, и занимает 7 позицию в рейтинге распространённости (48,6 %). Более важными для респондентов-армян оказываются идентификации с реальными группами повседневного общения (семья, гендер собирают более четырёх пятых опрошенных, что соответствует первым двум местам в рейтинге), а также близость со своей национальной группой (3 место и 82,9 %). Вместе с тем по степени значимости «вес» примордиальных идентификаций всё же выше, чем этнических (табл. 2).

Чувство близости с населением региона фиксируется преимущественно на локальном уровне – позицию «житель своего села» выбрали более половины опрошенных (57,1%), что составляет 5 место по степени представленности. В «армянской» группе в отличие от «русского» сегмента не вошла в первую десятку субрегиональная идентичность (отождествление с населением РО) и собрала около четверти опрошенных. Невысокие показатели и у макроуровня региональной идентификации (с жителями Северного Кавказа), который занимает только 17 место в рейтинге значимости (против 12 места в «русском» сегменте РО). Но если посмотреть на процентные показатели, то удельный вес северокавказской общности в своих идентификациях у респондентов-армян составляет пятую долю, а у русских – только десятую. Хотя, с другой

стороны, чувство близости с жителями Юга России у армянского населения области вообще не выражено (0,0%), а в «русском» сегменте характерно для четверти опрошенных и соответствует 13 месту в общем рейтинге. (См. табл. 2).

Необходимо также отметить, что среди опрошенных армян в первую десятку рейтинга распространённости попадает и «социально-перспективное Я». Более того, удельный вес респондентов, которые идентифицируют себя с позициями «человек с будущим», «успешный человек», в «армянской» группе практически вдвое превышает аналогичные показатели в «русском» сегменте. В первом случае, 45,7% против 24,2% («будущее»), во втором – 37,1% против 12,7% («успешность») (табл. 2).

Результаты опроса *турок-месхетинцев*, проживающих в ростовском регионе показывают, что среди них самыми распространёнными и значимыми являются наднациональные государственные «я-идентификации» – позицию «гражданин России» выбрали из числа 10 самых важных 72,7% опрошенных и отнесли её на первое место ещё 71,9% респондентов. Второе место по количеству ответов занимает примордиальная идентичность – семейный статус выбрали 63,6% турок-месхетинцев из сельских районов Ростовской области (табл. 2).

Этнокультурная специфика представителей данной группы проявляется в том, что *больше половины турок (56,8%) указывают в качестве «я-идентификаций» конфессиональный признак (мусульманин)*, что составляет 3 место в рейтинге (против 6 места в «русском» сегменте и 11 – в «армянском»). В большой степени выраженными являются для турок и этническая идентификация (6 место и 40,9%). С ней соперничает локальный уровень региональной идентичности (5 место и 47,7%). Выражают чувства близости с населением Ростовской области ещё треть респондентов данной группы (8 место в рейтинге). А макроуровень региональной идентичности у турок-месхетинцев тоже выражен слабо и не превышает десятой доли опрошенных. В свою очередь, показатели «социально-перспективного Я» также невысокие и сравнимы с полученными результатами в «русском» сегменте (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг «я-идентификаций» этнических подгрупп населения Ростовской области

Идентификация	Русское население			Армянское население			Турецкое население		
	Расп-ростр.	Ранг		Расп-ростр.	Ранг		Расп-ростр.	Ранг	
		1	2		1	2		1	2
гражданин России	78,7	59,5	19,0	48,6	11,8	29,4	72,7	71,9	9,4
мать/отец/сын/дочь	69,4	21,7	24,6	94,3	33,3	36,4	63,6	14,3	32,1
мужчина/женщина	62,1	25,8	33,3	85,7	53,3	26,7	54,5	20,8	54,2
жена/муж	43,4	2,1	23,4	57,1	–	20,0	34,1	–	13,3
представитель своего народа	42,3	2,2	15,2	82,9	–	13,8	40,9	16,7	16,7
православный	41,2	2,4	4,9	28,6	–	–	–	–	–
житель Ростов. области	39,5	2,2	4,3	28,6	–	–	34,1	–	–
молодой/пожилой/средних лет	32,6	–	–	68,6	8,3	–	18,2	–	12,5
человек, добившийся всего сам	31,8	–	12,5	31,4	–	–	18,2	12,5	12,5
житель своего села	30,9	–	7,9	57,1	10,0	–	47,7	14,3	19,0
представитель своей профессии	30,7	–	–	22,9	–	–	4,5	–	–
человек с будущим	24,2	–	4,8	45,7	–	–	22,7	–	–
житель Юга России	23,1	3,7	3,7	–	–	–	11,4	–	–
усталый человек	18,4	5,0	–	22,9	–	–	4,5	–	–
глава семьи	15,5	9,1	–	28,6	–	20,0	18,2	12,5	–
успешный человек	12,7	–	–	37,1	–	–	11,4	–	–
житель Сев. Кавказа	11,9	–	5,0	22,9	–	–	9,1	–	–
мусульманин	–	–	–	–	–	–	56,8	8,0	16,0

Изучение характера личностной идентификации *русского населения Краснодарского края* демонстрирует, что и здесь *удельный вес гражданских идентификаций высок*. Он занимает первую позицию в рейтинге распространённости (82,6%) и первое место по степени значимости (50%). Важными для жителей края оказываются также идентификации с реальными группами повседневного общения (семейные, поколенческие и гендерные статусы собирают от 54,3% до 39,1%, что соответствует 2, 3 и 4 местам в рейтинге) (табл. 3).

Чувство тождественности с населением региона фиксируется преимущественно на макрорегиональном уровне – позицию «житель Юга России» выбрало 34,8% опрошенных жителей Краснодарского края, что составляет 6 место в рейтинге представленности. Близость с населением края выбрали ещё 23,9% опрошенных. К жителям Северного Кавказа причисляют себя ещё 17,4% респондентов. Вместе с тем, на первые места по уровню значимости среди населения Краснодарского края различные компоненты региональной идентичности не выходят. Параметры этнической идентичности в рейтинге распространённости схожи с аналогичными показателями среди русского населения Ростовской области и составляют 8 место, что соответствует 34,8%. (Табл. 3).

В свою очередь, среди *армянского населения* Краснодарского края на первые места в рейтинге распространённости и значимости попадают общегражданские идентификации (82,4%). На втором, третьем и четвёртом местах по числу упоминаний располагаются отождествление со своим полом, семейной ролью и возрастной группой. Отличительной особенностью «я-идентификаций» армян Краснодарского региона является значимость мезоуровня региональной идентичности – позицию «житель Краснодарского края» выбрало 58,8% опрошенных, что соответствует 3 место в рейтинге распространённости. Макроуровень отождествления с регионом проживания в армянском сегменте схож по процентным показателям с «русской» подгруппой и выражен у трети респондентов (6 место). С жителями Северного Кавказа ассоциируют себя 29,4% армян, что на 12% больше, чем среди русского населения Краснодарского края (табл. 3).

Таблица 3. Рейтинг «я-идентификаций» этнических подгрупп населения Краснодарского края

Идентификация	Русское население				Армянское население			
	Распространённость	Ранг			Распространённость	Ранг		
		1	2	3		1	2	3
гражданин России	82,6	50,0	18,4	7,9	82,4	64,3	7,1	7,1
мужчина/ женщина	39,1	38,9	5,6	27,8	58,8	40,0	20,0	10,0
представитель своего народа (русский, армянин, турок и пр.)	30,4	21,4	14,3	7,1	35,3	33,3	16,7	16,7
мать/отец/сын/дочь	54,3	4,0	48,0	16,0	64,7	9,1	36,4	18,2
жена/муж	28,3	23,1	15,4	15,4	29,4	20,0	40,0	-
православный	32,6	13,3	6,7	20,0	35,3	16,7	16,7	16,7
молодой / пожилой/ средних лет	41,3	10,5	21,1	15,8	47,1	12,5	12,5	25,0
представитель своей профессии	17,4	12,5	37,5	12,5	35,1	-	-	16,7
пенсионер	19,6	-	11,1	-	17,6	-	33,3	33,3
человек, добившийся всего сам	30,4	35,7	21,4	14,3	35,1	33,3	16,7	16,7
человек с будущим	37,0	11,8	17,6	5,9	41,2	14,3	14,3	28,6
житель Юга России	34,8	-	25,0	12,5	35,3	-	16,7	16,7
житель Северного Кавказа	17,4	-	-	12,5	29,4	-	20,0	20,0
житель Краснодарского края	23,9	-	9,1	27,3	58,8	-	20,0	10,0
студент/учащийся	19,6	11,1	22,2	11,1	23,5	-	25,0	-
глава семьи	21,7	30,0	10,0	20,0	11,8	-	-	-
успешный человек	19,6	11,1	33,3	11,1	29,4	-	40,0	20,0

Зафиксировав разницу самосознания этнических подгрупп населения Юга России, необходимо охарактеризовать общий фон, существующий в сфере межэтнических отношений по рассматриваемым территориальным субъектам ЮФО. Предваряя этот анализ, следует указать, что во время опроса *интервьюерами фиксировалась наибольшая степень «закрытости» со стороны турок-мехетинцев*. На контакт они шли неохотно, на некоторые вопросы исследования реагировали настороженно и давали на них неискренние ответы. Эти «сложные» для турок вопросы были в основном связаны с проблематикой межэтнических коммуникаций. В силу боязни ухудшений отношений с местными жителями и представителями власти, опасений по поводу возможности выселения из региона многие из опрошенных турок (особенно представители старшего поколения) старались давать «гладкие», удобные для местной администрации ответы о позитивности взаимодействия коренного населения и мигрантов.

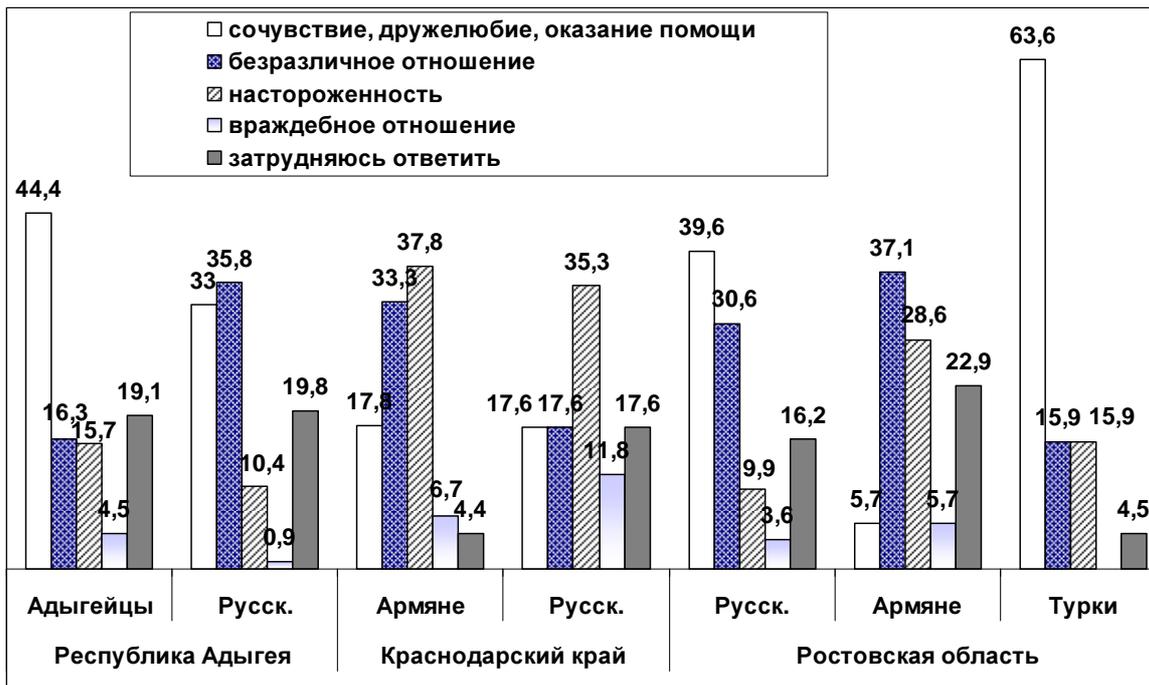
В этой связи, сравнительный анализ результатов опроса по трём территориальным подвыборкам показывает, что наиболее высокий процент указаний на доброжелательность и толерантность межнациональных коммуникаций в регионе встречается среди турок РО (70,5 %). Среди армянских жителей Ростовской области и Краснодарского края так отвечают около половины опрошенных. Русское население этих двух областей более критичны в оценке межэтнических отношений, они характеризуют отношения в регионе как спокойные, с элементами этноизоляционизма (34,2% - в РО и 47,1% - в КК). С другой стороны, среди турок-мехетинцев наиболее велик процент указаний на ситуацию этнической напряжённости в местности их проживания (13,6 %). А среди армянского населения Краснодарского края чаще, чем в других подгруппах, встречаются указания на существование конфликтов на национальной почве (10,9%). (Табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Как складываются межнациональные отношения в том месте, где Вы проживаете?»

Варианты ответов	Республика Адыгея		Краснодарский край		Ростовская область		
	Адыг.	Русск.	Армяне	Русск.	Русск.	Армяне	Турки
1. отношения хорошие, люди не обращают внимание на национальн.	60,2	52,8	50,0	35,3	45,0	54,3	70,5
2. отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	18,8	34,0	21,7	47,1	34,2	17,1	13,6
3. в отношениях существует некоторая напряженность	11,9	7,5	13,0	17,6	9,9	5,7	13,6
4. имеются конфликты на национальной почве	4,5	0,9	10,9	-	2,7	5,7	2,3
5. затрудняюсь ответить	4,5	4,7	4,3	-	8,1	17,1	-

Следующий важный индикатор характера межнационального взаимодействия связан с отношением местных жителей к этническим мигрантам. Эмпирические данные показывают, что отношение местных жителей к мигрантам опять же наиболее позитивно характеризуют турки-мехетинцы (63,6%), также в большей степени положительно настроены адыгейцы (44,4%) и русские в Ростовской области (39,6%). Индифферентное восприятие мигрантов фиксируется по большей части русских и армян Ростовской области. И наибольшее число указаний на существование настороженных отношений фиксируется среди армянской (37,8%) и русской подгрупп в Краснодарском крае (35,3%). (Диагр. 1).

Диаграмма 1. Оценка этническими подгруппами отношения местного населения к мигрантам (%)

Отдельный блок вопросов в исследовании в Ростовской области и в Краснодарской крае был направлен на выявление особенностей адаптации иноэтничных групп в регионе. Результаты опроса в ростовском регионе показывают, что для опрошенных армян в 94,3% случаев родным языком является армянский и в 5,7 % – русский. Турки-мехетинцы указывают, что для них в качестве родного языка выступает турецкий (81,4 %) и русский (18,6 %). Несмотря на то что девять десятых армян говорят на армянском языке, 77,1 % из них отмечают, что и русским они владеют так же хорошо, как и родным языком. Менее адаптированы к языковой среде турки-мехетинцы, которые в трети случаев (32,5 %) указывают, что хорошо понимают русский язык, но говорят недостаточно свободно.

Соответственно, в своей семье опрошенные армяне в большинстве случаев (60%) используют для общения оба языка – родной и русский, а исключительно на армянском говорит только десятая часть представителей данной группы. Что касается турок, то здесь степень интеграции в социокультурное пространство принимающего сообщества на несколько порядков ниже. Уже 43,9 % общаются дома только на родном языке. Кроме того, большая ориентация на поддержание собственной этнической культуры проявляется у турок-мехетинцев и на уровне того, что 61,9 % из них несколько раз в неделю смотрят телепередачи на родном языке. Подобная поведенческая установка характеризует только 5,7 % армян и то в гораздо меньшем частотном проявлении – пару раз в месяц.

Следует отметить, что в выборку опроса попали армяне и турки, подавляющее большинство которых проживает в Ростовской области свыше 10 лет (77,1 % и 88,6 % соответственно). Более того, в армянской подгруппе практически в 4 раза выше удельный вес переселенцев, прибывших в регион от 5 до 10 лет назад. Таким образом, говорить о том, что турки-мехетинцы интегрируются в местное культурное пространство хуже, чем армяне, в связи с тем, что последние дольше проживают в области, не приходится. Два этих опрошенных иноэтничных (по сравнению с титульным этносом) сегмента обладают примерно равными позициями по критерию длительности проживания. Но результаты опроса в Ростовской области убедительно свидетельствуют, что *армяне адаптируются в регионе по типу интеграции, а для турок-мехетинцев во многом характерны изоляционистские установки.*

Что касается Краснодарского края, то здесь в выборку попало 6,7% армян, которые родились и выросли в крае, 11,8% - живут свыше 10 лет. Для 41,2% краснодарских армян родным языком является русский, а для 58,8% - армянский. Соответственно 66,7% представителей данной группы русским языком владеют также как и родным. Все опрошенные армяне, проживающие в Краснодарском крае, в семье говорят и на родном, и на русском языке. Телеканалы на армянском языке крайне редко смотрят 75% респондентов этого сегмента и ещё четверть вообще не смотрят. Следовательно, и краснодарские армяне демонстрируют интеграционную модель адаптации.

Таким образом, проведённый анализ личностной идентификации этнических групп населения Южного федерального округа позволяет сделать следующие выводы.

1. В рейтинге «я-идентификаций» населения Адыгеи лидируют примордиальные комплексы идентификации, однако среди адыгейцев на третье место в рейтинге распространённости выходит этническая идентичность, а общероссийская - на четвёртое, а для русских жителей этнический и общегражданский наднациональный компоненты в одинаковой степени актуальны и собирают вторые места по общему числу указаний.

2. Данные по ростовскому региону фиксируют, что в рейтинге «я-идентификаций» у русского и турецкого населения лидирует общегражданский наднациональный компонент, а среди армянских жителей на первое место по упоминаемости выходит этническая идентичность. Среди турок-мехетинцев выше, чем в других национальных сегментах Ростовской области, удельный вес конфессиональной идентичности (мусульмане), которая выходит на третье место во внутригрупповом рейтинге.

3. В Краснодарском крае и русское, и армянское население на первое место по распространённости и значимости выносит наднациональную гражданскую идентичность. С ними соперничают примордиальные комплексы идентификации. Для армянских жителей очень важными являются гендерные роли.

4. Особенности региональной идентификации проявляются в том, что адыгейцы чаще склонны себя соотносить с жителями республики. Русские жители Ростовской области больше идентифицируют себя с населением южно-российского макрорегиона, а турки-мехетинцы чаще соотносятся с локальным уровнем региональной идентичности (жители своего села).

А среди армянского население Краснодарского края наиболее выражен мезоуровень региональной соотнесенности (жители своего края).

5. Несмотря на то, что доминирующее большинство опрошенных респондентов не титульных этносов проживают в Ростовской области и Краснодарском крае более 10 лет, тем не менее, армянское население успешнее интегрируется в социокультурное пространство региона по типу интеграции, тогда как для турок-месхетинцев во многом характерны изоляционистские установки.

В итоге, можно сказать, что среди титульного населения Адыгеи и армянского населения Ростовской области остаётся доминирующей сложившаяся в кризисные 90-е годы этнополитическая идентичность, базовым основанием которой выступило национальное (этническое) самосознание. Стабилизация политического процесса не вызвала ожидаемого укрепления общероссийской идентичности в Южном регионе среди иноэтничных групп. Данные социологического опроса также не зафиксировали на уровне социальных идентификаций населения той тенденции, на которую указывают некоторые эксперты. А именно, говорится о процессах активного включения конфессионального фактора в этнополитические процессы, «... который будет постепенно замещать этнический в определении вектора регионального политического развития» [2, 43]. Как показали результаты опроса религиозная аффилиация занимает далеко не первые позиции в структуре многоуровневой идентичности этнических групп.

Показательно также, что для русского населения РА по сравнению с респондентами этой же национальной подгруппы из других регионов ЮФО в наибольшей степени актуализирована этническая идентичность. Для них также более значима идентификация с южно-российским макрорегионом, тогда как для титульного этноса – с северокавказским. Поэтому, если рассматривать несовпадение соотношений общегражданских, этнических и региональных компонентов идентичности у различных этнических групп Юга России через призму дилеммы безопасности, то в этой несогласованности можно увидеть конфликтный потенциал. Видимо, продвижение к утверждению надэтнической и надконфессиональной российской идентичности является необходимым условием процесса укрепления политико-правового пространства страны, основанием которого должно выступать закрепление общегражданских ценностей.

В контексте этих проблем – необходимости усиления роли общегражданской идентичности при тормозящей роли актуальности этнического компонента в самоидентификации – требуется разработка и целенаправленное проведение долгосрочной программы, направленной на формирование макрорегиональной идентичности («мы – житель Юга России», «мы – жители Ростовской области/ Краснодарского края»), которая позволяет эффективно соединить общегражданский и этнический компоненты.

Библиография

1. Хоперская Л.Л. Этнополитическая идентичность на Северном Кавказе // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии: Юг России – Северный Кавказ). Сборник материалов международной научно-практической конференции. Г.Пятигорск. 15-17 июня 2009. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС. 2009.
2. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе: Ставрополье // Социологические исследования. 2006, № 10.
3. См.: Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше. В кн.: Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 75-76.